

СКРЫТЫЕ ЧЕХОВСКИЕ АЛЛЮЗИИ В «АЛУПКЕ» И.А. БУНИНА

Ольга Владимировна Богданова

доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: olgabogdanova03@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ образно-структурной и идейно-семантической системы рассказа И.А. Бунина «Алупка» и устанавливается тонкая аллюзийная связь между событиями, изображенными в бунинском рассказе, и реальными обстоятельствами, имевшими место в жизни А.П. Чехова. Характер изображения хронотопических маркеров текста позволяет выявить оценочную доминанту той негативной аксиологии, которая незримо проступает в тексте Бунина. На основании проделанного анализа автор статьи высказывает предположение, что близость событий рассказа истории отношений А.П. Чехова и О.Л. Книппер помешала Бунину включить текст о любви «Алупка» в цикл любовных новелл «Темные аллеи», хотя рассказ и близок его тематике. «Узнаваемость» чеховских жизненных (семейных) черт в образах героев бунинского рассказа, по мысли прозаика, могла скомпрометировать личность горячо любимого им писателя (и друга) и удержала Бунина от вынесения его отношения к Книппер-Чеховой на широкое читательское обсуждение. Рассказ «Алупка» остался за пределами «энциклопедии любви» «Темные аллеи».

Ключевые слова: русская литература XX века, И.А. Бунин, рассказ «Алупка», образная система, А.П. Чехов, О.Л. Книппер-Чехова.

Рассказ И.А. Бунина «Алупка» не вошел в цикл рассказов о любви «Темные аллеи» (1937–1944). Между тем проблематика «Алупки» со всей определенностью касается любовной направленности рассказов цикла, и, кажется, текст мог быть органично включен в «энциклопедию любви». В этой связи возникает вопрос: что помешало Бунину объединить «Алупку» с другими рассказами любовного цикла, были ли у прозаика весомые основания для невключения рассказа в цикл?

С одной стороны, дата, стоящая под текстом рассказа «Алупка», – 29 апреля 1949 г., – сама по себе отдаляет текст от рассказов, написанных в начале 1940-х гг., когда был создан основной массив рассказов цикла. С другой стороны, хорошо известно, что в состав «Темных аллей» вошли и более поздние по времени создания рассказы, то есть видимых «формальных» мотивов для невключения «Алупки» в «Темные аллеи», на первый взгляд, не было.

Между тем в рассказе «Алупка» сквозная тема «Темных аллей» – любовная – оборачивается своей противоположностью – намерением молодой героини оставить в одиночестве мужа-врача в «семейном пансионе» [Бунин: 338] в Алупке ради того, чтобы оказаться в более оживленной Ялте с ее «проводниками», со знаменитой ялтинской

набережной, с приехавшими на отдых артистами московского Малого театра («В Ялту приехали артисты Малого театра! Не играть, конечно, а так... Чуть не вся группа...» [там же: 337]). Для скучающей молодой дамы «милая» Алупка, где она вынуждена «сидеть» со стареющим мужем, только в ироничном плане мила, на самом деле ей все здесь надоело: «<...> я больше не могу сидеть тут!» [там же: 338].

Как показывает Бунин, устремления и цели супругов разнятся: он, человек неустанно трудящийся, много работающий с пациентами, приехал в Крым «не ради проводников, а ради отдыха» [там же], тогда как его молодая жена ищет развлечений. Она резко бросает мужу: «<...> мне *твоя*¹ Алупка и этот “семейный” пансион осточертели!» [там же].

Недавний брак героев может разрушиться, ибо героиня, неожиданно ставшая завзятой театралкой («И почему ты вдруг стала такой театралкой?» [там же]), не разделяет интересов мужа. Представляя себе возвращение в Москву, героиня с горечью и резкостью моделирует будущее и выражает его неприятие:

«И вот-вот опять Мерзляковский переулок, и опять ты будешь месяца два рассказывать всем знакомым, как “чудно” отдохнули “мы” летом!

¹ Здесь и далее курсив везде наш. — О. Б.

В прошлом году расписывал Волгу, в позапрошлом Евпаторию, в нынешнем будешь расписывать Алупку... Довольно с меня этих отдыхов!» [там же].

Дело мужа не вызывает у молодой жены не только энтузиазма, но даже уважения: «Сиди себе в кабинете да раздевай своих несчастных *идиотов* – вздохните – не дышите, вздохните – не дышите, *а я...*» [там же]. Брак, воспринимающийся окружающими как «идеальный», самой героине представляется скучным, несчастным, обреченным. «<...> я больше не могу! Не могу и не могу!» [там же: 339], – троекратно повторяет она.

Сюжетная интрига в рассказе «Алупка» оказывается незавершенной, финал рассказа открыт, уедет ли героиня в Ялту (от мужа), повествователь не уточняет. Однако последняя фраза, описывающая героиню, создает образ «злой» и «решительный»:

«Вбежав туда [в комнату на втором этаже – О. Б.], она падает в кресло, на спинку которого брошен купальный халат, еще не высохший, *противно пахнувший* теплой сыростью, и с бьющимся сердцем, *зло и решительно* смотрит перед собой, не выпуская из рук *зонтика*» [там же].

Образ зонтика – как орудия мести (как меч) – дополняет образ разгневанной воинственной героини.

Зарисовочный характер повествования, его причастность любовной тематике, даже

«программная» позитивность образа главного героя говорят о том, что рассказ вполне мог бы оказаться в основном корпусе текстов цикла «Темные аллеи». Однако он не попал в состав книги, и основания у Бунина, вероятно, все-таки были.

Фабульные обстоятельства рассказа – описанные события в Алупке – и образ центрального персонажа – доктора, оказавшегося на отдыхе в Крыму, на побережье Черного моря – уже в исходной (пре)позиции восприятия текста эксплицируют нестрогую, но «навязчивую» ассоциативную связь с образом известного врача и еще более известного писателя А.П. Чехова, проживавшего в конце своей жизни в Алупке. Именно в Крыму в начале 1900-х гг. Бунин и Чехов провели достаточно много времени вместе, живя неподалеку, часто и тесно общаясь на «Белой даче» и проникаясь близостью личностных и творческих представлений о мире и человеке.

Как известно, Бунин очень любил Чехова, тяжело переживал его ранний уход, в своих произведениях неизменно и достаточно часто возвращался к мысли о жизни и смерти Чехова (в дневниках или, например, в рассказе «Господин из Сан-Франциско» [Богданова: 439–472]), сохранял верность чеховской тональности в собственных текстах («Антоновские яблоки» и др.). Между тем Бунин (как и многие его современники) достаточно резко и откровенно неприязненно относился к О.Л. Книппер-Чеховой (1868–1959) и отзы-

вался о ней открыто нелюбезно. Как ни странно, рассказ «Алупка» характерно и точно – в достоверных и выразительных деталях, известных посвященным, – воспроизводит бунинское отношение к браку Чехова и Книппер.

Прежде всего, как уже было сказано, хронотоп рассказа – место и время действия – вполне определенно подсказывает связь рассказа с обстоятельствами отношений Чехова и Книппер: доктор, Крым, Алупка, Ялта. Однако эти фоновые «декорации», кажется, могли быть случайными и далеко не обязательно чеховскими. Между тем состав кажущихся незначительными и проходными случайностей оказывается богат и емко.

Следующим за крымским антуражем оказывается упоминание Малого театра. Как известно, О.Л. Книппер играла в Малом театре, где Чехов увидел ее впервые в спектакле «Царь Федор Иоаннович» А. Толстого (сентябрь 1898 г., роль Ирины [Чехов т. 7: 289–290]) и вскоре познакомился с ней на одной из репетиций «Чайки». С этого времени завязались их близкие отношения.

Одного только упоминания Малого театра и названия героини «театралкой» [Бунин: 338] достаточно для того, чтобы усилить связь образа героини рассказа «Алупки» с личностью и характером Книппер-Чеховой. Однако Бунин добавляет еще одну театральную реалию – упоминание имен Е.К. Лешковской и А.И. Южина. Героиня

говорит о приезде Малого театра: «Чуть не вся труппа, Лешковская с Южиным...» [Бунин: 337]. Имена названных актеров могли бы быть случайными, если бы не известные Бунину (и современникам) обстоятельства любовной связи Чехова и Лешковской и знакомство и дружба драматурга с Южиным.

Об актрисе Лешковской в «Воспоминаниях» упоминает и сам Бунин: «В его <Чехова> жизни много женщин было, сколько одних актрис: Комиссаржевская, Таня Куперник, да и с Лешковской что-то было» [Муромцева-Бунина: 85]. Очевидно, что имя Елены Лешковской в тексте рассказа возникает не случайно.

С актером и драматургом Александром Южиным (Сумбатовым), как известно, Чехов в какой-то период был дружен, состоял с ним в переписке; сохранился их эпистолярный – 17 писем и записок Чехова к Южину, 12 писем Южина к Чехову. Чехов нередко встречался с Южиным в литературных и артистических компаниях, с 1898 г. оба являлись членами комитета Общества драматических писателей и композиторов. Южин оставил воспоминания о Чехове [Южин-Сумбатов]. Понятно, что и имя Южина вводится в текст рассказа намеренно, вызывая определенные «театральные» ассоциации.

Неожиданным образом «чеховскими» оказываются и реплики героев бунинского рассказа о браке. Как известно из писем А.П. Чехова, он действительно мечтал об

«идеальном» браке. Однако чеховская формула счастливого брака разнится с тем, какими предстают отношения супругов в рассказе Бунина «Алупка». Чехов (еще до встречи с О.Л. Книппер) одному из своих корреспондентов писал:

«Если вы хотите, женюсь, но все должно быть как до этого. То есть она должна жить в Москве, а я в деревне. Я буду к ней ездить. Счастья же, которое продолжается каждый день от утра до утра, я не выдержу. Дайте мне такую жену, которая, как луна, будет являться на моем небе не каждый день» [Костомарова: 14].

Бунин знал представления Чехова об «идеальном» браке, и в рассказе «Алупка» в косвенной (художественной) форме акцентировал внимание на разрушенной идиллии семейного «чеховского» счастья [Муромцева-Бунина: 214].

Любопытно, что Бунин называет в тексте рассказа точный срок супружества героев: «Ты, за все *пять лет* нашего *милого* супружества, которое все величают “идеальным” ...» [Бунин: 339]. То есть браку героев пять лет. Примечательно, что и отношения Чехова и Книппер (не их официальный брак, но любовная связь) продолжались именно пять лет: роман Книппер и Чехова завязался в 1899 г., брак был заключен в Москве 7 июля 1901 г. (тайно от родных и друзей), а в июле 1904-го Чехов умер в Баденвейлере. Пристальное

внимание Бунина к нумерологии известно [Богданова: 439–472], потому и в данном случае указание на длительность брака героев рассказа не может быть случайным.

Ранее уже упоминалась деталь облика героини «Алупки» – ее зонтик, когда в финале рассказа она «падает в кресло <...>, зло и решительно смотрит перед собой, *не выпуская из рук зонтика*» [Бунин: 339]. Образ зонтика в данной сцене действительно как будто бы пронизан коннотациями некоего орудия мести. Но еще более примечательно то, что подобные аллюзии порождал и зонтик в руках Книппер. Речь идет о том, что О.Л. Книппер в поздние годы играла в «Вишневом саде» роль Любви Раневской, первоначально же Чехов отводил ей роль Варвары. В переписке по поводу готовящейся постановки драматург писал жене об этой роли – «роль комическая», «приемыш, 22 лет» (из письма к О.Л. Книппер, 5 и 6 марта 1903 г. [Чехов т. 11: 171–172]), «ты будешь играть глупенькую» (к О.Л. Книппер, 11 февраля 1903 г. [там же т. 11: 150]), «монашка, глупенькая» (к О.Л. Книппер, 1 ноября 1903 г. [там же т. 11: 292]). Именно Варя в «Вишневом саде» принадлежит резкий и угрожающий жест зонтом:

«Варя (выдергивает из узла зонтик, *похоже, как будто она замахнулась*).

Лопухин делает вид, что испугался.

Что вы, что вы... Я и не думала...» (IV действие [Чехов 1978: 253]).

Можно представить себе, что Книппер-Варвара выразительно играла приводимый эпизод, и Бунин, конечно, видел эту сцену в одном из спектаклей. Запоминающийся жест Книппер мог найти свое отражение в тексте его рассказа.

Из истории отношений Чехова с Книппер известен и еще один факт – свидетельство о том, что писатель совершил вместе с возлюбленной путешествие по Волге. В частности, об этом говорит и Бунин в воспоминаниях: «И позднее <Чехов> звал ее ехать по Волге – и так, чтобы другие не знали» [Муромцева-Бунина: 219]. Заметим, именно об этом упоминает героиня с раздражением:

«<...> опять ты будешь месяца два рассказывать всем знакомым, как “чудно” отдохнули “мы” летом! В прошлом году расписывал *Волгу*, в позапрошлом Евпаторию, в нынешнем будешь расписывать *Алупку*...» [Бунин: 339].

Можно предположить (или уточнить), что некоторое время Чехов провел с Книппер и в Евпатории. Во всяком случае упоминание Волги, Евпатории, Алупки, Ялты не случайно в рассказе. В сознании многих читающих людей Ялта навсегда осталась *чеховской*.

Столь много совпадений-напоминаний, перекликающихся с историей супружеских отношений Чехова и Книппер, вряд ли могло быть случайным («Помилуй *Бог*, какая *адская* ирония!» [там же]). Скорее наоборот, некие

обстоятельства реальной жизни в какой-то момент подтолкнули Бунина к живым воспоминаниям о Чехове, о Крыме, о Книппер-Чеховой, которые затем вылились в рассказ «Алупка». Однако поместить узнаваемую «чеховскую» историю в личностную – собственно бунинскую – «энциклопедию любви» прозаик, вероятно, не был намерен. Как в рассказе «Господин из Сан-Франциско», так и в «Алупке» Бунин не столько выявляет, сколько вуалирует чеховские реалии, не делает их публичным достоянием, но указывает на возможность их затекстового «опознания» (для людей помнящих, знающих, посвященных и заинтересованных).

Таким образом, рассказ «Алупка», на первый взгляд, близкий общей любовной тематике цикла рассказов «Темные аллеи», в действительности вряд ли создавался с намерением присоединить его к составу книги о любви. Вероятнее всего, он изначально оказывался за пределами цикла рассказов, но, как показывает анализ, был инспирирован размышлениями о любви, в том числе и «темными аллеями» чеховской женитьбы. Можно заключить, что рассказ И.А. Бунина «Алупка», несомненно, имеет самостоятельное значение, но на ассоциативном уровне оказывается едва ли не прямо, узнаваемо, связан с историей отношений А.П. Чехова и О.Л. Книппер-Чеховой. Аксиологичность его намеренно эксплицирована и вместе с тем умело спрятана почти в чеховский (теперь бунинский) подтекст.

Литература

Богданова, О.В. Современный взгляд на русскую литературу XIX – середины XX века (классика в новом прочтении). СПб.: ИПК «Береста», 2017. С. 439–472.

Бунин, И.А. Алупка // Бунин И.А. Собр. соч. В 9 тт. М.: Художественная лит-ра, 1966–1967. Т. 7. Темные аллеи. Рассказы 1931–1952 гг. М., 1967. С. 337–339.

Костомарова, Е. «Приснись мне, дуся!» История любви Антона Чехова и Ольги Книппер // Аргументы и факты. 29.01.2015. С. 14.

Муромцева-Бунина, В.Н. Жизнь Бунина, 1870–1906. Беседы с памятью. М.: Вагриус, 2007.

Чехов, А.П. Вишневый сад: комедия в 4-х действиях // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. В 30 тт. Соч. в 18 тт. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1974–82. Т. 13. Пьесы. 1895–1904. М.: Наука, 1978.

Чехов, А.П. Полн. собр. соч. и писем. В 30 тт. Письма. В 12 тт. М.: Наука, 1974–1983. Т. 7. Письма, июнь 1897 — декабрь 1898. М.: Наука, 1979. Т. 11. Письма, июль — декабрь 1903. М.: Наука, 1982

Южин-Сумбатов, А.И. О Чехове. Три встречи // Южин-Сумбатов А.И. Записи, статьи, письма / ред., вст. ст. и комм. В.А. Филиппова. Изд. 2-е. М.: Искусство, 1951.

References

Bogdanova, O.V. (2017). *Sovremennyj vzgljad na russkuju literaturu XIX — serediny XX veka (klassika v novom prochtenii)* [A contemporary look at Russian literature of XIX — middle of XX century (classic in a new interpretation)]. S. Petersburg: Beresta, 439–472.

Bunin, I.A. (1967). *Alupka*. In *Collected works in 9 vol.* (Vol. 7). Moscow: Hudozhestvennaja literature, 337–339.

Chekhov, A.P. (1978). *Vishnevyy sad: komediya v 4-kh deystviyakh* [The Cherry Orchard: comedy in 4 acts]. In *Collected works in 30 vol.* Works in 18 vols. Vol.13. Plays. 1895–1904 Moscow: Nauka.

Chehov, A.P. (1974–1983). *Collected works in 30 vol.* Letters in 12 Vols. (Vols. 7, 11). Moscow: Nauka.

Juzhin-Sumbatov, A.I. (1951). *O Chehove. Tri vstrechi* [About Chekhov. Three meetings]. In *Records, articles, letters*, iss. 2. Moscow: Iskusstvo.

Kostomarov, E. (2015, 29 January). “Prisnis’ mne, dusja!” *Istorija ljubvi Antona Chehova i Ol’gi Knipper* [“Dream on me, Dusya!” Love story of Anton Chekhov and Olga Knipper]. *Arguments and facts*. Moscow, 14.

Muromceva-Bunina, V.N. (2007). *Zhizn’ Bunina, 1870–1906. Besedy s pamjat’ju* [Bunin’s Life, 1870–1906. Conversations with memory]. Moscow: Vagrius.

HIDDEN CHEKHOV ALLUSIONS IN THE STORY “ALUPKA” BY I. BUNIN

Olga V. Bogdanova, Doctor of Philology, Professor, Saint Petersburg state University, Saint Petersburg, Russia; e-mail: olgabogdanova03@mail.ru.

Abstract. The article provides the analysis of the figurative-structural and ideological-semantic system of Bunin’s story, “Alupka”. It establishes a subtle allusive relationship between the events depicted in Bunin’s story and the real circumstances of Anton Chekhov’s life. The character of the chronotope deployed by the author allows Bunin to reveal the dominant negative axiology, which indirectly emerges in the text. Based on their analysis, the author of the article suggests that the history of relations between A. Chekhov and O. Knipper prevented Bunin from including the story “Alupka” in the cycle of love stories, entitled “Dark alleys”. The recognizability of Chekhov’s family life in Bunin’s story could compromise the personality of his beloved writer and friend Chekhov. This is what kept Bunin from exposing his personal attitude to Knipper-Chekhova to a broad public. The story “Alupka” remained outside “the encyclopedia of love” “Dark alleys”.

Key words: Russian literature of XX century, Ivan Bunin, “Alupka”, figurative system, Anton Chekhov, Olga Knipper-Chekhova.

